

Руан медленно излагал свои мысли, которые он давно обдумывал.

— Разве люди за пределами Рейнке не воспринимают его жителей, как героев из сказок. Как далёкий и смутный объект восхищения? Для них жители Рейнке это далёкие существа, которых они никогда не видели, но которые, так или иначе, защищают их от злых и сильных врагов.

Словно феи или рыцари из сказок. А превращаясь в нечто настолько фантастическое, они утрачивают связь с реальностью. Стоит назвать пропажу ребёнка проделками фей, и уже никто не задумается о таких насущных проблемах, как торговля людьми или брошенные дети.

С Рейнке произошло то же самое.

— В результате настоящие страдания и жертвы жителей Рейнке теряют свою реальность. То, с чем они сталкиваются ежедневно, размывается в неопределённости для внешнего мира. Ведь если этого не видно, то это перестаёт быть объектом внимания. Так что, по сути, Рейнке из-за этого восхищения становится ещё более изолированным.

Как и задумывала императорская семья, сковывая Рейнке оковами чести, но не давая ему реальной власти.

Члены императорской семьи хотели, чтобы Рейнке был настолько поглощён своими обязанностями, чтобы у него не оставалось времени на другие мысли. И в то же время, чтобы он всегда оставался пешкой, к которой можно протянуть руку, когда потребуется.

Но Руан больше не собирался позволять этому продолжаться.

— Я хочу, чтобы враги, с которыми сражается Рейнке, угрозы, которые он устраняет, и сама жизнь Рейнке стали чем-то осязаемым, проникли в их повседневную жизнь. Я хочу, чтобы Рейнке стал реальным, материальным, чтобы он существовал перед их глазами. И тогда, возможно, их восприятие начнёт постепенно меняться.

Руан посмотрел на Ральфа, который склонил голову набок, внимательно слушая его, и продолжил:

— Я хочу вытащить Рейнке в реальность. Я хочу, чтобы люди Рейнке перестали быть далёкими рыцарями из сказок, а стали настоящими. Теми, кто проливает кровь и из последних сил поддерживает их привычную жизнь. Теми, кого могут несправедливо притеснять власти, и кому они же могут протянуть руку помощи. В этом и заключается ещё один скрытый смысл всего этого.

Когда Руан закончил говорить, чёрные глаза Ральфа вспыхнули огнём. Его и без того лучезарное лицо засияло ещё ярче.

Руан едва удержался от того, чтобы не сморщиться. Ему казалось, будто он стоит перед яркой лампой, которая, сколько ни нажимаешь кнопку, продолжает становиться всё ослепительнее.

Ральф с лицом этой самой бесконечно яркой лампы вдруг наклонился вперёд и воскликнул:

— Господин советник, вы действительно искренне заботитесь о своей стае!

«Стае?..»

Руан на мгновение опешил от такого выбора слов.

Ральф, который уже почти вплотную приблизился к Руану, с искренностью в голосе прозвонил:

— Теперь, когда Торговая гильдия Штайнер тоже связала свою судьбу с Рейнке, мы тоже приложим все усилия.

Реакция оказалась куда более эмоциональной, чем Руан ожидал. Немного удивившись, он с равной искренностью ответил:

— Спасибо. Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

Хотя у него и возникали странные подозрения насчёт Ральфа, всё равно поддержка Торговой гильдии Штайнер была огромной удачей.

В ответ на слова Руана Ральф почесал затылок и сказал:

— Кстати, как ни странно, но, хотя я встречал людей из Рейнке, сам в Рейнке впервые.

«Встречал людей из Рейнке?»

Руан тут же вспомнил загадочную фразу из письма, смысл которой так и не смог разгадать. Теперь ему стало интересно, кто же был этим «старым другом».

— Вы имеете в виду того самого старого друга, которого упоминали в письме?

В ответ на этот вопрос...

И без того лучезарное лицо Ральфа засияло ещё ярче.

— Да! Ах, вы, возможно, слышали о нём?

Слышал ли он?

«Значит, этот человек мне знаком? Но никто из моих знакомых не проявил никакой реакции на приезд Ральфа.»

Единственный, кто хоть как-то отреагировал, был герцог, который явно не испытывал симпатии к гильдии.

— Я ничего особенного не слышал, но, возможно, ваш друг кто-то, кого я знаю?

Чувство недоумения только росло, и Руан поспешил уточнить.

— Да! Это кто-то очень близкий вам, — ответил Ральф и весело рассмеялся.

— Кто-то близкий мне?

Не просто знакомый, а близкий?

Руан мысленно перебрал несколько людей, с которыми он близко общался. Кто же мог быть другом этого главы гильдии?

Пока он размышлял, Ральф с весёлой улыбкой сказал:

— Да. Это Его Высочество Герцог.

Герцог.

Герцог?

Тот самый... герцог?

Руан, решив перестраховаться, осторожно переспросил:

— Вы имеете в виду Герцога Рейнке, Его Светлость Дитриха Рейнке?

— Да! Именно его, — радостно ответил Ральф.

У моего... котейки... был друг?

Руан, представив себе серьёзное лицо кота, почувствовал, как его зрачки начали дрожать.

Его кот, конечно, добрый и наивный, но... чтобы у него был такой друг. Это не совсем вяжется с его образом, не так ли?

Ральф, похоже, не заметил, что Руан растерян, и продолжил совершенно невозмутимо:

— Когда Его Светлость в детстве приезжал в столицу, мы встретились и подружились. Это было больше десяти лет назад. С тех пор я не имел чести видеть Его Светлость, и мне было так жаль... Но вот наконец нам представилась возможность встретиться вновь.

Глядя на Ральфа, который, казалось, вспоминал приятные моменты дружбы, Руан испытал второй шок.

Он попытался представить, как его серьёзный кот проводит время с этим весёлым главой гильдии, но чем больше он пытался, тем сильнее чувствовал когнитивный диссонанс.

Тем временем Ральф, с мечтательным выражением лица, продолжал:

— Его Светлость всегда очень меня любил.

Любил?

Руан вспомнил реакцию герцога, когда зашёл разговор о Штайнере.

Стоило ему лишь услышать это имя, и он начал махать хвостом так, что, казалось, готов был пробить им пол.

Неужели это был не знак неприязни, а радости от встречи с другом?

Пока Руан пребывал в полном смятении, Ральф с сияющей улыбкой воскликнул:

— Я так хочу скорее встретиться с ним!

* * *

«Друг говорите?»

— Давно не виделись, Ваша Светлость!

Руан перевёл взгляд на Ральфа, преклонившего колена перед герцогом.

В глазах Ральфа, смотрящего на герцога, плескались неподдельные радость и восторг.

И не только в глазах. Его тонкие, утончённые черты, прежде мягкие и спокойные, теперь выражали эмоции, которые не просто просачивались, а буквально изливались наружу.

Его лицо, словно испорченная лампа, сияло слишком ярко. Руан невольно прищурился, наблюдая за ним.

Этот человек был воплощением радости от долгожданной встречи.

Любой посторонний, даже не знающий ни слова на языке Империи, глядя на Ральфа, безошибочно понял бы: «Он действительно рад встрече с другом!»

Руан медленно перевёл взгляд на герцога.

Находясь в официальной обстановке, тот, разумеется, не показывал уши и хвост, и его лицо, как всегда, оставалось строгим, величественным и непроницаемым.

Любой, кто видел его сейчас, сказал бы: «Это всё тот же грозный герцог, каким он всегда был».

Уже это сильно контрастировало с Ральфом, но в конце концов, герцог всегда был таким, даже в облике кота, так что выражение лица не имело значения. Чтобы понять эмоции герцога, нужно было смотреть на его язык тела.

И сейчас Руану казалось, что он видит, как хвост герцога яростно бьёт по полу.

«Друг говорите?»

Руан внимательно вглядывался в герцога, но не находил в нём ни капли радости.

Только вот беда... Похоже, «невидимый хвост» видел только он один.

— После того, как Ваша Светлость внезапно уехали, мы так и не попрощались! Я столько лет не мог избавиться от этой тоски... А уж как было тяжело самому Вашей Светлости, даже представить страшно! Но! Наконец я здесь, в Рейнке, и мы можем вновь встретиться! Это такая радость, что я просто не знаю, как быть! Верно? Конечно, верно! Ведь мы с Вашей Светлостью всегда понимали друг друга без слов!

Руан смотрел в полнейшем оцепенении.

Ральф с головой погружался в сентиментальные воспоминания, страстно рассказывал о радости встречи, и при этом не замечал, как герцог молча сверлил его взглядом, точно выслеживая добычу.

Друг?

Вот это?

<http://bllate.org/book/12567/1117806>